

Е. П. Блаватская

Из серии "Nightmare Tales" (Кошмарные рассказы)

Из полярного края

Рождественская история

Ровно год назад, под Рождество, в загородном доме, а точнее сказать, старом родовом замке одного богатого финского землевладельца собралось многолюдное общество. Всё здесь было окрашено гостеприимством, унаследованным от наших предков, на всём лежала печать средневековых обычаев, связанных с преданиями и суевериями, финскими и русскими. Последние были завезены сюда с берегов Невы женщинами, владевшими в разное время замком.

В доме наряжали рождественские ёлки и готовились к гаданию. В этом старинном замке на стенах висели покрытые плесенью мрачные портреты знаменитых предков, дам и рыцарей, были здесь и пустынные башни с бастионами и готическими окнами, и таинственные коридоры, и тёмные бесконечные погреба, с лёгкостью превращавшиеся в потайные ходы и подземелья, в темницы, населённые беспокойными призраками героев местных легенд. Короче говоря, всё в этом замке располагало к страшным романтическим историям. Но увы! На сей раз они нам не понадобятся. В нашем рассказе эти добрые старые ужасы не будут играть той роли, которая им обычно отводится.

Главный его герой — ничем не примечательный человек. Назовём его Эрклером. Итак, доктор Эрклер, профессор медицины, немец по отцу и вполне русский по матери и по образованию, полученному в России, ничем особенным не выделялся, хотя был довольно крепкого телосложения. И тем не менее с ним случались весьма необычные вещи.

Как оказалось, Эрклер был заядлым путешественником. По собственной воле он сопровождал одного из самых известных исследователей в его кругосветных путешествиях. Не раз они смотрели смерти в лицо, мужественно перенося тропический зной и полярный холод. Но несмотря на это, доктор всегда с большим воодушевлением рассказывал о зимовках в Гренландии и на Новой Земле, о пустынях Австралии, где они на завтрак ели кенгуру, а на обед — мясо эму, и о том, как они едва не погибли от жажды во время сорокачасового перехода по безводной пустыне.

— Да, — говорил он, — я испытал в жизни почти всё, за исключением того, что вы назвали бы сверхъестественными явлениями. Правда, если не брать в расчёт некий необыкновенный случай — я имею в виду встречу с одним человеком, о котором вам сейчас расскажу, — и его... в самом деле довольно странные, я бы даже сказал, совершенно необъяснимые последствия...

Все сразу потребовали от него объяснений, и доктор, вынужденный уступить уговорам, начал свой рассказ.

"В 1878 году обстоятельства вынудили нас встать на зимовку на северо-западном берегу Шпицбергена. В течение короткого северного лета мы пытались пробиться к полюсу, но, как это обычно бывает, попытки окончились неудачей из-за айсбергов, и нам пришлось отступить. Едва мы разбили лагерь, как спустилась полярная ночь, и наши корабли оказались в ледовом плену в заливе Массела. И мы поняли, что восемь долгих месяцев будем отрезаны от остального мира. Признаться, я поначалу этому ужаснулся. Снежный

буран, за одну ночь разбросавший большую часть строительных материалов, предназначенных для зимних жилищ, и погубивший более сорока оленей из нашего стада, привёл нас в уныние. Перспектива голодной смерти не способствовала хорошему настроению. С потерей оленей мы лишились жаркого — наилучшего средства от полярных морозов, ведь в таком климате организм человека нуждается в дополнительном тепле и хорошем питании. Однако мы смирились с нашими потерями и даже привыкли к здешней, на самом деле более питательной, пище — тюленьему мясу и жиру. Из оставшегося материала наши люди построили дом, разделённый на два отсека (один предназначался для трёх профессоров и для меня, а другой — для всех остальных), и несколько деревянных сараев, предназначенных для метеорологических, астрономических и магнитных исследований, и даже стойло для нескольких уцелевших оленей. И тогда бесконечной чередой потянулись однообразные полярные дни и ночи без рассвета, которые едва можно было отличить друг от друга с большим трудом, только по тёмно-серым теням. Временами нас охватывала ужасная тоска.

В сентябре мы собирались отправить домой два из трёх наших кораблей, но преждевременно образовавшиеся вокруг них ледяные стены разрушили наши планы. Теперь, когда к нам присоединились экипажи судов, мы были вынуждены ещё больше экономить наш скудный провиант, топливо и свет. Лампы использовались нами только для научных целей, в остальное время нам приходилось довольствоваться естественным освещением, создаваемым луной и северным сиянием.

...Как описать этот изумительный, ни с чем не сравнимый полярный свет! Все эти кольца, стрелы, гигантские зарева, сотканые из четко отграниченных друг от друга лучей самых ярких и разнообразных оттенков. Ноябрьские лунные ночи были пленительно прекрасны. Переливы лунного света на снегу и обледеневших скалах поражали воображение. Это были сказочные ночи!

И вот, в одну из таких ночей — а, может быть, и дней, ибо, насколько я помню, с конца ноября и почти до середины марта там совсем не было сумерек, позволяющих отделить день от ночи, — на фоне разноцветных лучей, окрашивающих снежные равнины в золотисто-розовые тона, мы вдруг заметили тёмное движущееся пятно. Оно увеличивалось в размерах и, казалось, дробилось по мере приближения к нам. Что это было: стадо или группа людей, торопливо идущих по снежной пустыне? Но животные были там белого цвета, как и всё вокруг. Что же это тогда? Люди?...

Мы не могли поверить своим глазам. Действительно, группа людей приближалась к месту нашей зимовки. Это были пятьдесят охотников на тюленей, которых возглавлял Матилисс, знаменитый мореплаватель из Норвегии. Как и мы, они также оказались в плену у айсбергов.

— Как вы узнали, что мы находимся здесь? — спросили мы.

— Нас привёл сюда старый Йохен, — ответили они, указывая на почтенного седовласого старца.

Откровенно говоря, их проводнику следовало бы сидеть дома у очага, а не охотиться на тюленей вместе с более молодыми мужчинами в северных краях. И мы сказали им об этом и опять спросили, как же всё-таки он узнал о нашем присутствии в этом царстве белых медведей. Матилисс и члены его команды улыбнулись в ответ и заверили нас, что старый Йохен знает обо всём. Они заметили, что мы, вероятно, впервые в Заполярье, раз ничего не слышали о Йохене и продолжаем удивляться тому, что говорят о нём.

— Вот уже почти сорок пять лет, — сказал предводитель охотников, — как я охочусь на тюленей в северных морях, и, насколько помню, он всегда был таким же, как и сейчас, седобородым стариком. И даже в те далёкие времена, когда я, будучи маленьким мальчиком, ходил в море со своим отцом, он рассказывал мне о старом Йохене то же самое и добавлял при этом, что и его отец и дед также знали с детства старого Йохена, который всегда был белым, как наши снега. И мы, охотники на тюленей, как и наши предки, до сих пор зовём его "седым ясновидцем".

— Неужели вы хотите убедить нас в том, что ему двести лет! — рассмеялись мы.

Некоторые из наших моряков, столпившихся вокруг этого седовласого чуда, засыпали его вопросами:

— Сколько же вам лет, дедушка?

— Я и сам не знаю, сыночки. Я живу ровно столько, сколько определил мне Господь. Я никогда не считал свои годы.

— А как вы узнали, что мы зимуем именно в этом месте?

— Дорогу мне указывал Бог. Как это получилось, я не знаю. Единственное, что мне было известно, это куда надо держать путь."
